

Л. Н. Неборская, В. С. Олесько

*Минский государственный лингвистический университет
Минск, Республика Беларусь
e-mail: neborskaja@gmail.com, olesko.veronika@mail.ru*

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АПЕЛЛЯТИВНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ЗАГОВОРОВ И МОЛИТВ IX–XI ВВ.)

Исследование выполнено на материале древневерхненемецких текстов заговоров и молитв периода IX–XI вв., которые относятся к магическо-религиозным типам текста с доминирующей апеллятивной функцией. В статье рассматривается влияние категории апеллятивности на синтаксическую организацию суггестивных типов текстов с семантикой побуждения к действию в рамках адресантно-адресатных отношений.

Ключевые слова: апеллятивная функция языка; категория апеллятивности; функционально-семантическая категория; побудительность; синтаксис.

L. N. Neborskaja, V. S. Olesko

*Minsk State Linguistic University
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: neborskaja@gmail.com, olesko.veronika@mail.ru*

SYNTACTIC FEATURES OF THE APPELLATIVE TEXTS (ON THE MATERIAL OF GERMAN CHARMS AND PRAYERS OF THE IX–XI CENTURIES)

The study was carried out on the material of the Old High German texts of charms and prayers of the IX–XI centuries, which belong to magic-religious types of texts with the dominant appellative function of language. The article deals with the influence of the category of appeal on the syntactic organization of suggestive texts. The category of appeal as a textforming category determines the choice of fixed syntactic structures and explains the semantic-syntactic complexity of imperative utterances, expressed in the twosubjectness of syntax of simple and composite sentences.

Key words: appellative function of language; category of appeal; function-semantics category; appeal; syntax.

На современном этапе развития языкознания все больше внимания уделяется изучению категории апеллятивности, которая долгое время оставалась недостаточно исследованной областью, как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Несмотря на то, что в последнее время

данный вопрос получил всестороннее и основательное освещение, категория апеллятивности до сих пор является темой лингвистических дискуссий. Несомненный интерес к данной категории обусловлен в первую очередь тем, что в настоящее время категория апеллятивности определяется как функционально-семантическая категория, представляющая собой совокупность разноуровневых языковых средств с семантикой прямого и косвенного побуждения, которые объединены на основе общности семантической функции [1]. Теоретическую основу категории апеллятивности образует понятие апеллятивной функции языка, которая реализуется в выражении семантики побуждения к действию с использованием различных грамматических, синтаксических и стилистических средств. С ее помощью организуется воздействие адресанта на адресата для достижения желаемого результата, речевого или посткоммуникативного, с ее помощью «устанавливается контакт с собеседником с одновременной реализацией волеизъявления отправителя сообщения» [2, с. 2].

Функционально-семантическая категория апеллятивности имеет «полевую организацию» и трехчастную структуру (микрополе вокативности, микрополе побудительности и микрополе интеррогативности), которые определяются, по мнению Е. В. Комлевой, «типами отношений семантики апеллятивности к синтаксической структуре предложения, а также различием в характере побуждения к действию (речевому/неречевому)» [2, с. 3]. Доминирующим является микрополе вокативности, а в качестве связующего элемента апеллятивных текстов выступают непосредственно сами обращения, позволяющие развернуть процесс коммуникации с ориентацией на конкретного адресата коммуникативного акта [4, с. 78], организующего структурно-синтаксическое и лексико-семантическое построение текста.

Исследование выполнено на материале текстов IX–XI вв. – древневерхненемецких заговоров и молитв, которые представляют собой магическо-религиозные тексты с доминирующей апеллятивной функцией. Заговоры как древнейшая форма человеческого творчества воплощают собой средство магического воздействия человека на окружающий мир с намерением изменить его при помощи целительного или спасительного свойства слова. Молитва является более поздним примером суггестивных типов текста, предпосылкой для возникновения которых стали тексты языческих заговоров и распространение религии. Иллокутивная цель молитвенных текстов заключается в получении желаемого результата путем обращения к господу как высшей силе.

Ярко выраженной особенностью текстов древневерхненемецких заговоров и молитв является проявление элементов и черт апеллятивности как текстообразующей категории, которая предопределяет выбор соответ-

ствующих языковых единиц и организует построение данных текстов на композиционном, грамматическом, синтаксическом и семантическом уровнях.

Синтаксическая организация древневерхненемецких заговоров и молитв с доминирующей апеллятивной функцией представлена, прежде всего, простыми побудительными предложениями, которые воплощают в себе, как отмечает Н. И. Формановская, сложные семантико-синтаксические двусубъектные конструкции, где говорящий, выражая свое намерение повлиять на слушающего, выступает в качестве субъекта речевого действия, а слушающий является объектом воздействия со стороны адресанта. В тот момент, когда слушающий становится исполнителем иллокутивной цели говорящего, он переходит в статус субъекта коммуникативного акта [5, с. 306-307].

В древневерхненемецких заговорах простые побудительные предложения, структура которых направлена на реализацию основной иллокутивной цели – побуждение к действию и получение адресантом желаемого как ответ на просьбу, обращенную к адресату (Богу, святым, сверхъестественным силам и т. д.), представлены следующими моделями:

1. Verbum imperativum + Substantiv: *Verstande thiz pluot, stand pluot fasto.* ‘Остановись, кровь, стой, кровь, крепко’ [6, с. 131].

2. Verbum optativum + Substantiv: *Offin si dir diz sigidor, sami si dir diz selgidor, bislozin si dir diz wagidor, sami si dir diz wafindor.* ‘Пусть откроются тебе врата победы, а также врата защиты. Пусть закроются перед тобой врата пучины, а также врата оружия’ [6, с. 131].

3. Substantiv + verbum optativum: 1) *...Ben zu bena sose gelimida sin...* ‘...кость к кости да приклеится...’ [6, с. 128]. 2) *Got mit gisundi heim dich gisendi...* ‘Господь да пошлет тебя здоровым домой...’ [6, с. 131].

Среди сложных предложений реализация основной интенции заговоров происходит при помощи придаточных цели: 1) *Petrus gesanta Paulum sinen bruoder, daz er Aderuna aderon verbunde.* ‘Петр послал Павла, своего брата, чтобы он соединил жилы Адеруне’ [6, с. 135]. 2) *Der heiligo Christ unta sancte Marti der gauerdo uualten hiuta dero hunto, dero zohono, daz in uuolf noh uulpra za scedin uuerdan ne megi, se uuara se geloufan uualdes ode ueeges ode heido.* ‘Святой Христос и святой Мартин, соблаговолите управлять сегодня кобелями и суками, чтобы им ни волк, ни волчица не смогли бы навредить, куда бы они ни убежали: в лес или на дорогу, или в поле’ [6, с. 129]. 3) *Nu fluic du, vihu minaz, hera fridu frono in godes munt heim ii comonne gisunt.* ‘Теперь лети ты, мой скот, сюда под покровительством Всевышнего, под защитой Господа, чтобы вернуться домой невредимым’ [6, с. 134].

Придаточные определительные, придаточные цели и придаточные сравнения актуализируют содержание заговора путем обращения к прецедентной ситуации: описание адресата или его сравнение с другими лицами, выполнявшими похожие действия: 1) *The selve druhtin, thie thena visc gihelta, the gihele that hers theru spurihelti*. ‘Тот самый Господь, который вылечил ту рыбу, пусть излечит коня от паралича’ [6, с. 136]. 2) *Thu biguolen Uuodan, so he uuola conda...* ‘Тогда заклинал ее Водан так хорошо, как он умел...’ [6, с. 128]. 3) *So uerstant du bluod sose iordanis aha uerstunt, do der heiligo ijhannes den heilanden crist in iro toufta*. ‘Также остановись ты, кровь, как остановились воды Иордана, когда святой Иоанн крестил в них Христа Спасителя’ [6, с. 132].

Желаемое действие может быть представлено как следствие из прецедентной ситуации и выражаться с помощью сложных бессоюзных предложений с конзекутивной связью: 1) *Vor unde Lazakere giengen fold patretton:verstande thiz pluot, stand pluot fasto*. ‘Господь и Метамель коня ступили на землю: остановись, кровь, стой, кровь, крепко’. 2) *Tumb hiez der berch, tumb hiez daz kint: ter heiligo Tumbo uersegene tiusa uunda*. ‘Немой называлась гора, немым назывался ребенок: святой немой да благословит эту рану’ [6, с. 131-132].

Таким образом, синтаксис заговора определяется прагматической направленностью и установкой магического воздействия на объект при помощи кратких и простых формул с семантикой побуждения и главенствующей ролью обращений с целью получения быстрого и конкретного результата. Апеллятивная заданность заговора предполагает выбор синтаксических моделей, которые наиболее адекватно передают просьбу, пожелание для достижения определенной цели. Данные синтаксические модели и определяют синтаксическое ядро текстов заговоров.

В древневерхненемецких молитвах также можно представить 2 группы синтаксических моделей – простое предложение и сложное предложение, которые несут в себе прагматическую установку на осуществление намерений говорящего.

Структура простых предложения представлена следующими моделями:

1. Verbum indikativum + Pronomen «du» (имплицитно): 1) *Forsahhistu unholdun?* ‘Отказываешься от темных сил?»; 2) *Forsahhistu unholdun uierc indi uuillon?* ‘Отказываешься от плохих дел, поступков, мыслей?»; 3) *Gilaubistu in heilagan geist?* ‘Веруешь в Духа Святого?»; 4) *Gilaubistu einan got almahtigan in thrinisse inti in einisse?* ‘Веруешь в Духа Всемогущего, в Святой Троице единого?’ [7, с. 148].

2. Pronomen «ich» + Verbum indikativum: 1) *Ich fursahhu*. ‘Я отказываюсь!’ 2) *Ich gilaubi*. ‘Я верую!’ [7, с. 148].

Следует отметить, что это в основном вопросительные и восклицательные структуры, употребление которых обусловлено характером адресантно-адресатных отношений. При этом восклицательные предложения усиливают реализацию иллокутивной цели говорящего – обращение к Господу и его святым для получения желаемого результата путем внутреннего диалога адресанта с богом или через третье лицо, в качестве которого чаще всего в религиозном дискурсе выступает священник. Немаловажен тот факт, что между употреблением вопросительных и восклицательных предложений в древнем магическо-религиозном дискурсе существует определенная связь, которая предопределяется прагматическими характеристиками древних молитвенных текстов. Именно вопросно-ответная тактика ведения диалога ставит человека перед выбором – исповедовать бога и его могущество или обратиться за помощью к темным силам. Восклицания в таком типе коммуникации только эмоционально усиливают высказывания и действия говорящего.

Синтаксическое ядро текстов молитв представляют следующие виды придаточных предложений:

1. Изъяснительные придаточные предложения: ... *Ich giho tir, trohtin, daz ich unmahtigero unti dero, de in charcharo unte in andren notin uuaron, nigiuinisota noh so nigehalf so ich scolta unti so ich mahta. Ich giho dir, trohtin, daz ich hungrenta nigilabota noh turstiga nigitrancta noh nackota igiuinatta.* ‘...Я исповедую Тебе, Господи, что я бессильный перед тобой, Ты был в тюрьме в нужде, и не держал зла, так и я должен. Я исповедую Тебе, Всемогущий, что я в голоде не ел, что в жажде не пил, будучи нагим, не имел одежды себе’ [7, с. 232-233].

2. Обстоятельственные придаточные предложения времени: *Dat gafregin ich mit firahim firiuuizzo meista, dat ero niuuas noh ufhimil, noh rami... noh pereg niuuas, ni... nohheinig noh sunna niscein, noh mano niliuhta noh der mareo seo* ‘Среди людей узнал я об огромном чуде, когда еще земли не было и не было небес, не было деревьев и гор, и солнце еще не светило, не светила ещё и луна, даже не было океана, был только Всемогущий Бог, и были с Ним светлые духи’ [7, с. 577].

3. Определительные придаточные предложения: ...*Trohtin got almahtigo, dir uuirdo ich suntigo pigihtic unti sancta Mariun unti allen gotes engilun unti allen gotes heiligun unti dir gotes euuarte allero minero suntono unti allero minero missitati, de ich eo missiteta odo missidahta odo missisprah vona minero toupha unzi in desin hutigun tach, dero ich gihukko odo nigehukko. De ich uuizzunta tota odo unuuizzunta, notac odo unnotac, slaphanto odo uuachanto, tages odo nahtes...* ‘...Господь Всемогущий, я исповедую тебе, осознавая все свои грехи, перед Святой Марией, перед всеми святыми Твоими, перед всеми ангелами, перед тобой, священник Господний,

все мои грехи и все свои плохие поступки, которые я совершил, что неправильно думал, неправильно сказал от своего крещения и до сегодняшнего дня, которые я вспомнил и не вспомнил, которые я знал или не знал, ночью или не ночью...» [7, с. 232-233].

4. Сравнительные придаточные предложения: ...*Mina chirichun so nisnohda so ich solda. Sunnonnada unde andere heilega daga so neereda noh nebegienc so ich solta. Minan curs neiruulta so ich solda, gihorsam niuuas so ich solta, thirphtigon nintphiec so ich nigab so ich solta, ana urloub gab unde nam daz ich nisolta. Zuene nibesuonda so ich solta. Sunda niuerliez thien in solta. Mine nahiston so niminnota, so ich solta...* «...как я должен, не чтил воскресение и другие святые дни, как я должен, не соблюдал заповеди, как я должен, не выполнял обязательные молитвы, как я должен, не был послушным, как я должен, не оставлял грех, как я должен...» [7, с. 275].

5. Бессоюзные предложения: ...*Cot almahtico, du himil enti erda gaunorahtos enti du mannun so manac coot forgapi, forgip mir in dino ganada rehta galaupa enti cotan uuilleon, uuistom enti spahida enti craft, tinflun za uuidarstantanne enti arc za piuisanne enti dinan uuilleon za gauurchanne.* «...Господь Святой, Господь Всемогущий, ты правишь небом и землей, ты дал людям столько всего хорошего, подай мне по своей милости настоящую веру в Тебя, хорошую волю, мудрость, силы, противостоять черту, зло отвергать и совершать волю Твою» [7, с. 577].

Употребление разных видов сложноподчиненных предложений, усложненных многочисленными однородными членами предложения, объясняется, прежде всего, тем, что большинство изучаемых молитв относится к покаянным молитвам, для которых характерно монотонное перечисление грехов при общении со священником в момент исповеди. Кроме того, данные синтаксические конструкции способствуют более полному и подробному описанию грехов, что позволяет, таким образом, проецировать совершенные ранее действия на момент «здесь и сейчас», в котором пересекаются отрезки прошлого и настоящего, приобретая свойство сиюминутности. Распространенность и сложность синтаксических связей в текстах молитв обусловлена еще и тем, что, в отличие от заговоров, которые представляют собой коммуникативный акт с трехчастной замкнутой структурой (адресант (заговаривающий), адресат (высшие силы) и косвенный адресат («участник общения, к которому непосредственно не обращаются, но ради которого выстраивают дискурс/текст» [5, с. 176]), что, несомненно, требует максимально четкого и структурированного изложения намерения говорящего для наиболее эффективного и результативного исхода процесса коммуникации), молитва воплощает собой адресованную речь к богу и его святым (чаще всего без посредника), где косвенный адресат (по заговору) становится активным участником

процесса коммуникации, выстраивая и организуя ее протекание, исходя из прагматической установки молитвенных текстов.

Завершая рассмотрение круга вопросов, связанных с реализацией функционально-семантической категории апеллятивности как текстообразующей категории для древневерхненемецких заговоров и молитв периода IX–XI вв., стоит отметить, что апеллятивная функция языка как превалирующая для данных типов текста заранее предопределяет выбор разноуровневых языковых и речевых средств организации древнего магическо-религиозного текста и дискурса, не оставляя без внимания социально-статусные и психологические особенности адресанта и адресата коммуникативного акта, а также другие экстралингвистические факторы. Синтаксическая структура предложений древневерхненемецких заговоров и молитв обусловлена одним из ведущих целеполаганий говорящего – побудительностью, отражающей его волеизъявления и побуждения к действию адресата коммуникативного акта, с чем связана семантико-синтаксическая сложность побудительных высказываний, выраженных в «двусубъектности» синтаксиса простых и сложных предложений изучаемых текстов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1978. – 176 с.
2. Комлева, Е. В. Апеллятивность в языке и речи [Электронный ресурс] / Е. В. Комлева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2008. – № 5 (19). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/apellyativnost-v-yazyke-i-rechi-na-materiale-sovremennogo-nemetskogo-yazyka>. – Дата доступа: 29.01.2019.
3. Комлева, Е. В. Лингвистические маркеры апеллятивности в тексте (на примере современного немецкого языка) / Е. В. Комлева // Вестник ОГУ. – 2009. – № 3 (5). – С. 746–755.
4. Гончарова, Е. А. Интерпретация текста : учеб. пособие / Е. А. Гончарова, И. П. Шишкина. – М. : Высш. шк., 2005. – 368 с.
5. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие : коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. : Изд-во «ИКАР», 2007. – 480 с.
6. Топорова, Т. В. Язык и стиль древнегерманских заговоров / Т. В. Топорова. – М. : Эдиториал УРСС, 1996. – 216 с.